

М. Ю. МИХАЙЛОВА
(Самарский государственный социально-педагогический
университет, г. Самара, Россия)

УДК 81'373
ББК Ш105.3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЫРАЗИМОГО В ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье описана репрезентация функционально-семантической категории невыразимого в лингвокреативной деятельности, определена зона пересечения семантики невыразимого и семантики сакрального в пространстве языкового креатива, выявлены творческие стратегии семантики невыразимого (прием апофатики и ориентация на неопределенные номинации); обосновывается идея о том, что творческие стратегии табуизации и эвфемизации в сакральной сфере находят применение в репрезентации семантики невыразимого, поскольку последняя является парадоксальным вербальным способом выразить невыразимое, потаенные смыслы. Показано, что наиболее значимые результаты лингвокреативной деятельности в репрезентации значения невыразимого представлены в художественной речи, в жанрах пародирования, юмористических текстах, в литературном направлении постмодернизма, начиная с истоков данного направления, уходящих в творчество А. Чехова, его применении литературных аллюзий, скрытых цитат со значением невыразимого, кончая современной литературой развлекательного толка. В статье анализируются средства передачи семантики невыразимого новейшего периода – эмотиконы; определено, что данные графические средства выражения невыразимости как конституэнты подполя *семиотическая невыразимость* поля невыразимого в русском языке не только передают эмоции и чувства, но и осуществляют в интернет-коммуникации игровую стратегию *homo ludens*.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, лингвокреативная деятельность, семантика невыразимого и сакрального, языковая игра, аллюзии.

Цель нашего исследования – изучить, как семантика невыразимого (СН) репрезентируется в лингвокреативной деятельности *homo ludens* (человека играющего).

Лингвистика креатива определяется как область изучения

разных форм проявления вербальной креативности [Гридина 2013: 8]. Лингвистика креатива – это форпост лингвистических изысканий, результаты её исследований валидны и обладают значительной экспланаторностью.

Под СН понимают функционально-семантическую категорию со средствами выражения, представленными на разных уровнях языка и иерархически организованными. Невыразимое активно исследовалось литературоведами в русской лирике XIX в., в ряде статей и монографий отечественных и зарубежных лингвистов [Kita 2002; Сырица 2009; Иванян 2015-б, Михайлова 2017 и др.].

Материал для исследования составили 4850 языковых единиц, однословных и в составе словосочетаний, выявленных из художественной литературы XIX – XXI вв., «Национального корпуса русского языка», интернет-коммуникации, авторских записей разговорной речи.

В свое время П. Рикер заметил, что над каждым словом витает «венчик невыразимого» [Рикёр 1995]. СН является парадоксальным вербальным способом выразить невыразимое, потаенные смыслы, «рационально не постигаемое начало мира» [Сырица 2009: 294]. На протяжении веков подлежала запрету на прямое обозначение сакральная семантика, в результате чего актуализировались творческие «находки» табуирования и эвфемизации в сфере сакральной коммуникации [Коновалова 2013: 124; ср. Иванян 2012]. Следовательно, репрезентанты СН входят в пространство языкового креатива, в специальные творческие стратегии табуирования и эвфемизации сакральной семантики. Среди творческих стратегий СН назовем приём апофатики, номинаций через отрицание, восходящий к практикам автора, писавшего под именем Дионисия Ареопагита. Таковы средства передачи СН, содержащие отрицательную приставку или отрицательную частицу, например, о девице, принадлежащей не только к миру профанного, но и обитающей в мире волшебного, в русском фольклоре говорится как о *красе неписаной*. В данном случае отрицательный префикс есть маркер принадлежности персонажа к миру инобытия.

Другим приёмом выражения феноменов инобытия и лингвокреативной деятельности является обращение к неопреде-

ленным номинациям, напр., к неопределенно-местоименным словам *нечто*, *некто*, обращение к отсылочному способу отображения действительности, т. е. к применению местоимения на месте существительного. Таковы употребления в русском дискурсе субстантивата *оно* в значении ‘нечто страшное, чему не находится имени’. Исследователи отмечают, что неопределенность психологически страшнее реальной, конкретной опасности [Сеничкина 2004; Коновалова 2013: 134]. Например: *Это было нечто. Что-то такое, чему и слов нет в человеческом языке* (Записи устной речи). В примере представлено 3 средства передачи СН: неопределенные местоимения *нечто* и *что-то*, а также описательный оборот, построенный на приеме художественной апофатики. Поиск языковых замен, описательных отрицательных оборотов в сфере сакрального является игрой на языковом поле. В целом семантика сакрального и СН обнаруживают зону пересечения в пространстве языкового креатива.

К пространству языкового креатива относятся средства передачи СН новейшего периода русского дискурса, это конституэнты подполя *семиотическая невыразимость* поля невыразимого в русском языке: эмодиконы, графическое выражение невыразимости. Эмодиконы, в обыденном общении называемые смайлами, служат средством передачи эмоций и чувств в интернет-коммуникации. Как показал наш анализ, эмодиконы способны передавать значение невыразимого. Например, значение ‘молчу, слов нет выразить’ может быть передано при помощи эмодикона – лицо человека, губы вытянуты в горизонтальную линию. Этот эмодикон (как и многие другие) является полисемантом, способен выражать значения молчания, прекращения разговора или утаивания информации. Одно из регулярных значений данного эмодикона в интернет-коммуникации – ‘молчу, слов нет выразить’.

Примеры общения на форумах, в чатах, в сервисе скайпа и проч. свидетельствуют, что говорящий осуществляет выбор из способов выражения не только эмоций, но и дополнительной информации (наглядной, игровой). Очевидно, игровую форму приобретают анимированные эмодиконы, которые, не просто изображают молчание, но и, например, подмигивают.

Молчание, тишина как знаки невыразимости в интернет-

коммуникации могут быть представлены анимированным эмотиконом «Гишина», этот эмотикон изображает в движении растение перекасти-поле. Подробнее см.: [Михайлова 2017: 136-142].

Наиболее значимые результаты репрезентации СН в лингвокреативной деятельности, безусловно, представлены в сфере художественной речи. Художественная речь, будучи средством выражения эстетической функции языка, изначально ориентирована на реализацию лингвокреативной деятельности. Это, в частности, отражается и на игровых стратегиях репрезентации СН в художественных текстах. Игровые приемы «заложены» в некоторых жанрах художественной литературы, например, в юмористических жанрах. Репрезентанты СН, содержащиеся в художественных текстах подобных жанров, отражают лингвокреативное мышление авторов. Яркой иллюстрацией сказанного является повесть Д. Емца «Великое Нечто». Жанровая принадлежность повести – фэнтези, городское, приключенческое, юмористическое. Согласно выбранной задаче, Д. Емец развлекает читателя повествованием об инопланетянах (*мрыгах*), прибывших на Землю для спасения своей цивилизации и уповающих на то, что найдут здесь *Великое Нечто*. В ходе повести *Великое Нечто* приобретает разные формы воплощения. Автор пародирует философские умозаключения, вопросы бытия, демонстрирует прием апофатики при выражении невыразимого, т.е. *Великого Нечто*, например: *Великое Нечто – это океан. Как и мы с тобой, оно не связано с формой. Великое Нечто может быть всем, а может не быть ничем*. В приведенном примере наблюдается отсылка к тексту христианского богослова Деонисия Ареопагита.

Ориентация на языковую игру *homo ludens* может быть заложена в литературном направлении, таков по своей природе постмодернизм. Соответственно репрезентанты СН, представленные в художественном тексте постмодернизма, достаточно часто обнаруживают лингвокреативное (интертекстуальное) мышление автора. Таковы, например, средства передачи СН в рассказе Ю. Буйды «Рита Шмидт Кто Угодно». Рассуждения о Боге в этом рассказе является переизложением фрагмента текста Дионисия Ареопагита «О божественном Имени»: «Бог – это не

душа и не ум, а поскольку сознание, мысль, воображение и представление у Него отсутствуют, то Он и не разум, и не мышление и ни уразуметь, ни определить Его – невозможно» [Дионисий Ареопагит 1995].

В рассказе Ю. Буйды говорится: *Он не мужчина, не женщина. Не ребёнок. Не русский, не немец, не еврей... Он – Никто. Он – Кто Угодно.* Отсылку к работе Дионисия Ареопагита видит в этом фрагменте рассказа Ю. Буйды исследовательница М. В. Гаврилова.

С точки зрения лингвистики креатива актуально констатировать, что процитированные текстовые фрагменты (текста-источника и текста-донора) иллюстрируют лингвокреативную деятельность, стратегию табуизации сакральной номинации посредством приема апофатики. Значимым для характеристики невыразимого является замечание М. В. Гавриловой о стиле Ю. Буйды: «Представляется очевидным, что сам стиль его (Ю. Буйды – примечание наше. – М.М.) повествования направлен на постоянное обнаружение того загадочного “нечто”, которое неизбежно ускользает от любого осмысленного предложения или эксплицитного правила» [Гаврилова 2009: 298]. Это замечание подтверждает наличие репрезентации СН в творчестве постмодерниста Ю. Буйды, а также ориентацию языкового мышления писателя на языковую игру.

Многие исследователи творчества А. П. Чехова называли писателя предшественником постмодернизма, указывая на склонность автора к скрытому цитированию, аллюзиям и проч. Применительно к нашему материалу важной представляется выявленная А. В. Кубасовым литературная аллюзия иронического эвфемизма *невыразимые* в значении ‘нижние мужские штаны’ в эпистолярном наследии писателя с программным для русского романтизма стихотворением В. А. Жуковского «Невыразимое». Ученый отмечает, что «невыразимые именуются у него «соединенными штатами», северными и южными, смотря по степени приближения к телу» [Кубасов 2013: 328].

Таким образом, репрезентанты СН *невыразимое* и *невыразимые* в художественном тексте обнаруживают себя как активные участники поля креатива.

Подводя итог, заключаем, что репрезентация СН в лингвок-

реативной деятельности обусловлена сферой бытования продуцируемых текстов, наиболее активно наблюдается в художественной речи; при этом некоторые жанры и литературные направления ориентированы на языковую игру, тогда речетворческая деятельность находит своё отражение в репрезентантах функционально-семантической категории невыразимого. Существенный анализ показал, что в лингвокреативной деятельности наблюдается зона пересечения СН и сакрального; новейшие средства передачи СН – эмотиконы – осуществляют игровую стратегию *homo ludens* в интернет-коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилова М. В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. Ассерция и негация. – М. 2009.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1. – Екатеринбург, 2013.

Дионисий Ареопагит О божественных именах. О мистическом богословии. – СПб., 1994.

Иванян Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс. Учебное пособие 2-е издание. – М., 2012.

Иванян Е. П. Репрезентация семантики умолчания // Балтийский гуманитарный журнал. 2015-а.

Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. – М., 2015-б.

Коновалова Н. И. Творческие стратегии табуирования и эвфемизации в сакральном тексте // Лингвистика креатива-1. – Екатеринбург, 2013.

Кубасов А. В. Игровая эстетика творчества Чехова // Лингвистика креатива-1. – Екатеринбург, 2013.

Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого в языке и речи. Самара, 2017.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М., 1995.

Сеничкина Е. П. Специфика категории неопределенности в русском языке. – М., 2004.

Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный

феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. – М., 2009.

Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // *Stylistyka XI*. 2002. – Opole, 2002.

©*Михайлова М. Ю.*, 2018